ЭВОЛЮЦИЯ ДОКТРИНЫ ПРИВАТНОСТИ (PRIVACY) В АМЕРИКАНСКОМ ПРАВЕ

УЛЬБАШЕВ Алим Хусейнович, приглашенный исследователь Школы права Йельского университета (США), кандидат юридических наук

06511, США, Нью-Хейвен, ул. Уолл-стрит, 127

E-mail: alim-ulbashev@mail.ru

Статья посвящена проблеме формализации права на приватность в судебной доктрине США, при этом вопросы законодательного (нормативного) регулирования приватности практически не вошли в предмет исследования. Это объясняется тем, что исторически именно в судебной практике складывались основные элементы концепции приватности, тогда как законодательное регулирование в США имело второстепенный характер.

Значительное внимание в статье уделено вопросу отражения приватности в работах отцов-основателей США, разработчиков Конституции страны. Такой подход позволяет ответить на вопрос, почему в Основном законе США отсутствуют положения, посвященные приватности. Также обозначаются важнейшие последствия подобного молчания закона для национальной прецедентной практики. В статье четко проводится мысль об исторической преемственности развития института приватности.

Вместе с тем показано, что американские суды начиная с конца XIX в. были вынуждены самостоятельно, без опоры на Конституцию, развивать понятие приватности. Принимая во внимание обширность судебной практики по делам о приватности (в последние десятилетия их количество достигло многих тысяч), автор пытается акцентировать внимание лишь на наиболее значимых прецедентах, так или иначе повлиявших на правопонимание американских юристов. В целом эволюция доктрины приватности в практике американских судов может быть обозначена следующей формулой: от проприетарной концепции к индивидуалистической, человекоцентричной. Изначально суды следовали логике отцов-основателей и полагали, что приватность представляет собой «продолжение права собственности». Однако в последующем данная точка зрения была скорректирована: суды стали признавать ценность личности *per se*.

В заключение отмечено, что лавинообразный рост судебной практики по приватности приводит к размыванию границ данного права, а также к наполнению его совершенно противоречивым содержанием.

Ключевые слова: приватность, свобода, права человека, материнские и дочерние права, судебное толкование.

EVOLUTION OF THE DOCTRINE OF PRIVACY IN AMERICAN LAW

A. Kh. ULBASHEV, visiting researcher at the Law School of Yale University (USA), candidate of legal sciences

06511 USA, New Haven, Wall st., 127

E-mail: alim-ulbashev@mail.ru

The article is devoted to the problem of formalization of the right to privacy in the judicial doctrine of the USA, while the issues of legislative (regulatory) regulation of privacy are practically not included in the subject of the study. This is due to the fact that historically it was in judicial practice that the main elements of the concept of privacy were formed, while legislative regulation in the United States was of a secondary nature.

The author paid attention to the issue of privacy in the works of the founders of the USA, the developers of the US Constitution. This approach allows us to answer the question of why there are no provisions for privacy in the US basic law. The most important implications of such silence on national case law are also highlighted. The article clearly underlines the idea of the historical continuity of the institute of privacy.

At the same time, it is shown that the American courts, since the end of the XIX century, were forced to develop the concept of privacy without relying on the Constitution. Taking into account a numerous case-law on privacy (in recent decades, their number has reached many thousands) the author focused only on the most significant cases that somehow influenced the legal understanding of American lawyers. In general, the evolution of the doctrine of privacy in the practice of American courts can be described by the following formula: from a proprietary concept to an individualistic, human-centered one. Initially, the courts followed the logic of the founding fathers and believed that privacy was a "continuation of the right of ownership". However, this point of view was later corrected: the courts began to recognize the value of the person *per se*.

In conclusion, the author noted that the extreme growth of judicial practice on privacy leads to the erosion of the boundaries of this right, as well as to fill it with completely contradictory content.

Keywords: privacy, freedom, human rights, maternal and child rights, judicial interpretation.

DOI: 10.12737/art.2018.2.14

Конституция США и приватность: история о «выпавшем слове». Приватность (privacy)¹ является одной из базовых категорий правовой системы США. Сегодня можно считать, что понятие, появившееся изначально в прецедентах английских судов, оказалось удачно воспринятым американской юриспруденцией².

Концепция приватности получила развитие в эссе известных американских юристов Самюэля Д. Варрена и Луи Брэндайса “The Right to Privacy” (1890), в котором она (приватность) определяется как «право быть оставленным в одиночестве» (the right to be let alone), т. е. быть свободным от внешнего воздействия³. Именно так приватность определялась до конца 1960-х — начала 1970-х гг. В последующем в доктрине получило поддержку определение, данное Аланом Ф. Вестином: «притязания человека, группы или институции самостоятельно определять, где, как и каким образом представлять информацию о себе»⁴. Сегодня американские суды называют приватность «началом всех прав», т. е. предпосылкой правообладания и осуществле-

ния всех прочих субъективных прав⁵, а также «пучком» (bundle) этих прав⁶.

В то же время слово “privacy” лишь единожды употребляется в сборнике “The Federalist” (вып. № 69)⁷: А. Гамильтон, автор отрывка, определял этим словом существовавший на тот момент порядок назначения губернатора в штате Нью-Йорк, характеризовавшийся предельной закрытостью для общественности, тем самым противопоставляя приватность транспарентности (transparency), т. е. открытости, публичности и прозрачности⁸. Иными словами, для А. Гамильтона приватность есть синоним секретности.

В действительности приведенный взгляд на приватность весьма традиционен для того времени: А. Гамильтон наравне с другими разработчиками Конституции США относился к числу американских интеллектуалов, хорошо знакомых не только с зарубежной философской и политической мыслью, но и с основными течениями в европейской юриспруденции. Так, в английском праве к тому времени сложилось понимание приватности как «отсутствия или наличия возможности избегать публичности... а также состояние секретности»⁹ (позиция сформулирована по делу “The Merry Wives of Windsor” (1598)). Видимо, такой подход и воспроизводится в рассмотренном отрывке.

Единичное и почти случайное упоминание приватности в работах отцов-основателей может свидетельствовать в целом о низком интересе разработчиков Конституции США к данной проблеме. Более того, отсутствуют какие-либо подтверждения того, что на Филадельфийском конвенте (1787), утвердившем текст Конституции США, а также при после-

¹ В русскоязычной литературе встречаются различные переводы английского термина “privacy” (в том числе как частной жизни, частной сферы и т. д.). Однако мы исходим из того, что все эти переводы лишь отчасти передают содержание данной концепции. В связи с этим предлагаем пользоваться наиболее общим и аутентичным термином «приватность» (ср.: Хужокова И. М. Право на неприкосновенность частной жизни в англосаксонской правовой системе // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2009. № 4; Хужокова И. М. Право на частную жизнь в континентальной Европе // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2010. № 4; Бундин М. В. Опыт правового регулирования права на частную жизнь и персональных данных в Соединенных Штатах Америки // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2012. № 3).

² В настоящей статье мы намеренно ограничиваем предмет исследования *подходами судов* к понятию приватности, оставляя за скобками законодательные интерпретации данного права, поскольку те не образуют *единого и целостного* нормативного понятия приватности. Так, например, в § 552а Акта о приватности 1974 г. Конгресс определил приватность как личное и основополагающее право, защищенное Конституцией США, охватывающее сбор, обработку, использование и распространение персональной информации. Однако в действительности такое определение оказывается точечным и оттого достаточно узким, не охватывающим всего института приватности. Напротив, американская судебная практика выработала целостную и комплексную доктрину приватности, что, видимо, объясняется традиционно важной ролью судебного правотворчества в США как в стране общего права.

³ См.: Warren S. D., Brandeis L. The Right to Privacy // Harvard Law Review. 1890. Vol. 4. No. 5. P. 195.

⁴ The Right to Privacy / ed. by G. S. McClellan. N. Y., 1976. P. 3.

⁵ Public Utilities Commission v. Pollak (343 U. S. 451, 1952).

⁶ См.: Fundamental Rights and Private Law in the European Union / eds. by G. Brüggermeier, A. Colombi Ciacchi, G. Comandé. Cambridge, 2010. P. 132. В континентально-европейском праве приватность также называется «зонтиком прав» (umbrella rights). Тем самым подчеркивается ее исходное значение для всех других производных прав (The Emergence of Personal Data Protection as a Fundamental Right of the EU / ed. by G. G. Fuster. Brussels, 2014. P. 24).

⁷ «Федералист», или «Записки федералиста» (1787—1788) — сборник из 85 статей, написанных разработчиками Конституции США А. Гамильтоном, Дж. Мэдисоном и Дж. Джемом. В настоящее время является одним из основных средств интерпретации положений американского Основного закона (особенно среди юристов, придерживающихся консервативной доктрины оригинализма, предполагающей использование работ отцов-основателей США в качестве непосредственного руководства для толкования конституционных текстов).

⁸ См.: Hamilton A., Madison J., Jay J. The Federalist Papers / ed. by C. Rossiter. N. Y., 1961. Paper 69. P. 421.

⁹ Цит. по: Blecher M. D. Aspects of Privacy in the Civil Law // The Legal History Review. 1975. Vol. XLIII. P. 279.

дующем обсуждении Билля о правах (1789) стоял вопрос о придании конституционной защиты приватности. Поэтому кажется во многом закономерным или по крайней мере неудивительным то, что в первоначальном тексте американского Основного закона *pro forma* отсутствовало слово “privacy”.

Читая сегодня актуальный текст Конституции США (с учетом поправок), мы также не обнаруживаем в нем слово «приватность». Последнее обстоятельство уже кажется достаточно странным, поскольку даже при беглом ознакомлении с американской прецедентной практикой (начиная со второй половины XX в.) можно без труда увидеть, что суды не только активно используют понятие приватности, но ссылаются именно на Конституцию как на фундаментальную основу и каркас права на приватность.

Сказанному есть простое объяснение: в условиях «молчания» Конституции американские суды вынуждены самостоятельно выводить понятие приватности из положений Основного закона (главным образом из содержания поправок I, IV, V и XIV). Как указал Верховный суд США по делу “Griswold v. Connecticut” (1965), целостная доктрина приватности вырисовывается из полутеней (*penumbras*) прав, закрепленных в Билле о правах¹⁰.

Однако в действительности сложно сказать, что первоначальный текст американской Конституции при ее формальном толковании дает какие-либо формальные основания для признания за гражданами права на приватность. Более того, на первый взгляд самое очевидное основание приватности — поправка IV к Конституции США — исторически имела мало общего с современной доктриной приватности¹¹.

Как правильно подчеркивает известный американский конституционалист У. С. Хеффернан, в XVIII в., когда был написан основной текст Конституции США, а также Билль о правах, в национальной юриспруденции в принципе не обсуждался вопрос о противопоставлении человека как индивидуальности обществу и (или) государству. Нужно понимать, что американское общество того времени, состоявшее из небольших пуританских общин, отличалось высокой степенью религиозности и консервативности. Разумеется, в тех условиях не могло быть выработано понимание приватности, близкое к тому, что существует сегодня (а именно как «пучка прав» или

«зонтика прав» на формирование собственной идентичности и внешнюю саморепрезентацию)¹².

Приведенные слова находят подтверждение в эссе «Собственность» одного из других отцов-основателей — Дж. Мэдисона, указывающего, что приватность является не более чем «расширением» собственности (*enlarged conception of property*); иными словами, только то, что находится на праве собственности у гражданина, и образует сферу его приватности¹³. Поэтому в приведенной поправке IV к Конституции США и сделан акцент на имущественную сторону охраны прав личности.

Exempli gratia, если следовать логике Дж. Мэдисона, переписка гражданина охраняется законом, лишь поскольку бумаги (*papers*), содержащие эту переписку, находятся на праве собственности у данного гражданина¹⁴. При этом вопрос о самоценности человеческой личности и производных от них личных прав, очевидно, не стоял¹⁵.

При всей лаконичности Конституции США по данному вопросу национальные суды проделали большой путь по созданию практически с нуля концепции приватности и ее имплементации в самые различные сферы общественной жизни: если изначально под этим словом понималась только физическая неприкосновенность человека, то с 1960-х гг. суды последовательно проводят мысль о необходимости защиты социальных и духовных интересов гражданина, а также его интимной жизни.

Конституционализация приватности или «приватизация» Конституции? Проблема формализации приватности как самостоятельного личного права является частью дискуссии более общего порядка о пределах судебной интерпретации конституционных (равно как и иных законодательных) норм. Как пишет Аарон Барак, возможность выделения в системе конституционных прав отдельного права на приватность появилась благодаря тому, что Конституция США гарантировала гражданам личную свобо-

¹² См.: *Heffernan W. C. Privacy and the American Constitution: New Rights Through Interpretation of an Old Text*. Cham: Palgrave Macmillan, 2016. P. 3.

¹³ См.: *Madison J. Writings* / ed. by *J. N. Rakove*. N. Y., 1999. P. 515—517.

¹⁴ См.: *Heffernan W. C. Op. cit.* P. 108—109.

¹⁵ Отголоски данного подхода встречались и в более поздней судебной практике. Так, в конце XIX в. рассматривалось дело о незаконности нарушения неприкосновенности останков и самовольного перезахоронения тел усопших без получения предварительного согласия от их родственников (*Jacobus v. Children of Israel*). Примечательно, что суд штата Кентукки, признавая такие действия незаконными, отметил, что данное право (приватность) сохраняется до тех пор, пока действует кладбище, т. е. имеются права на кладбищенский участок (см.: *Privacy — Right to be Let Alone* / eds. by *M. L. Ernst, A. U. Schwartz*. N. Y.; L., 1962. P. 99).

¹⁰ 381 U. S. 484 (1965).

¹¹ “The right of the people to be secure in their persons, houses, papers, and effects, against unreasonable searches and seizures, shall not be violated...” (Amendment IV to the United States Constitution). «Право граждан на охрану их личности, жилища, переписки (дословно: бумаг) и личного имущества (здесь “effects” используется в значении “personal belongings”) от необоснованных обысков и арестов, не может быть нарушено...» (поправка IV к Конституции США) (перевод А. Х. Ульбашева).

ду (liberty), которая, в свою очередь, стала рассматриваться в качестве материнского права (mother right, Muttergrundrecht) для ряда дочерних прав (daughter right, Tochtergrundrecht), к числу которых автор относит и приватность¹⁶. Более того, приватность является материнским правом для «нового поколения прав» (е. г., право женщины на аборт), которые, соответственно, уже будут «внучатыми» по отношению к конституционной свободе¹⁷. Таким образом, если следовать приведенной логике, правоприменитель оказывается вольным, неограниченным как в интерпретации существующих нормативных (законодательных) текстов, так и в придании им нового содержания.

Продолжая свою мысль, А. Барак подчеркивает, что «число дочерних прав, равно как и их категории не подлежат ограничению (не могут быть предустановлены)»¹⁸. Такому весьма смелому предложению ученый находит практическое объяснение: общественные отношения всегда оказываются на шаг впереди любого законодателя, таким образом, всякий писанный закон, пользуясь словами М. Вебера, оказывается «вечно вчерашним». Однако в этом случае возникает противоположный риск: суды, получая безграничную дискрецию, будут настолько свободны в интерпретации законодательных текстов, что в конечном счете получат возможность полностью игнорировать волю законодателя (или «приписывать» ему авторство новых норм). Представляется, что при таком подходе самостоятельность и значение законодательной власти, призванной представлять волю народа, дискредитируется в обществе и государстве (причем исключением не являются и страны общего права с традиционно активной и даже «пассионарной» судебной властью).

Возникает резонный вопрос: если в американском обществе назрела безусловная необходимость по конституционной защите того или иного нового права (е. г., приватности) и приданию этому праву конституционной формы, то почему нельзя инициировать внесение соответствующих изменений в текст Конституции, не довольствуясь лукавыми судебными импликациями из текста Основного закона?

Обширная прецедентная практика, формирующаяся на протяжении последних десятилетий, является объективным доказательством того, что защита приватности в Америке сегодня является одной из центральных задач правопорядка, требующей консолидации усилий всех ветвей власти, в связи с чем не могут быть приняты традиционные аргументы консерваторов о нежелательности поспешных изменений в Конституции. Разумеется, текст Основного закона не может подвергаться регулярным ревизиям и кор-

ректировкам, поскольку в этом случае он утрачивает признак стабильности и даже определенной «священности», но в то же время «юридическая конституция» не должна отставать от «фактической» (Ф. Лассаль)¹⁹.

Видимо, этому феномену есть прагматическое объяснение: отсутствие, по крайней мере сегодня, каких-либо серьезных проблем на практике, а также наличие общественного консенсуса и согласия между ветвями власти по вопросу о конституционности приватности позволяют считать проблему в целом решенной (точнее, «замороженной»). Однако в любом случае джинн оказывается выпущенным из бутылки: в будущем суды смогут ссылаться на пример приватности, свободно формализуя любые «новые» конституционные права, не считаясь с волей законодателя.

Защита приватности: обзор американской прецедентной практики рубежа XIX—XX вв. В действительности, если посмотреть на эволюцию права на приватность в американском праве, то можно увидеть, что в его зародыше была идея о необходимости защиты человеческой индивидуальности (при этом суды, как можно видеть из первых судебных актов, весьма туманно представляли, что является собой человеческая индивидуальность, какие юридические защищаемые формы она имеет, каковы пределы такой защиты и т. д.).

Одно из первых ключевых дел по приватности было рассмотрено судом штата Нью-Йорк (1891) спустя всего один год после выхода пионерской статьи С. Д. Варрена и Л. Брэндайса “The Right to Privacy” дело “Mackenzie v. Soden Mineral Springs Co.”. В суд обратился врач-терапевт, требуя признать незаконными действия фармацевтической компании по использованию в рекламе собственной продукции имени истца, а также факсимиле его автографа. Суд был вынужден рассматривать спор, не имея опоры на предыдущую судебную практику, равно как и законодательной основы для разрешения дела²⁰. В связи с

¹⁶ См.: Barak A. Human Dignity: The Constitutional Value and the Constitutional Right. Cambridge, 2015. P. 157 (cp.: Tribe L. H. The Invisible Constitution. N. Y., 2008).

¹⁷ См.: Barak A. Op. cit. P. 157.

¹⁸ Ibid. P. 158.

¹⁹ См.: Лассаль Ф. О сущности конституции / пер. с нем. К. Чекурль-Куша. Киев, 1905. С. 3—32. Любопытно, что даже в наиболее авторитетных публикациях американских исследователей по необходимости внесения изменений в Конституцию США не ставится вопрос о конституционном закреплении приватности. Так, Дж. П. Стивенс, судья Верховного суда США в отставке, в монографии, посвященной реформе Конституции, называет шесть «жизненно важных» поправок, в которых сегодня нуждается Америка, но приватности среди них также нет (подробнее см.: Ульбашев А. Х. Менять или не менять — вот в чем вопрос: новый взгляд на будущее Конституции США (рецензия на книгу: Stevens J. P. Six Amendments: How and Why We Should Change the Constitution. N. Y.; Boston; L., 2014)) // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 2.

²⁰ См.: New York Supplement, Containing the Decisions of the Supreme Court and Various Intermediate and Lower Courts of Record. N. Y., 1892. Vol. 18. P. 240—249.

этим неудивительно, что в решении суда практически отсутствуют какие-либо ссылки на нормы права, в то же время мотивировочная часть судебного акта изобилует такими фразами, как «я глубоко убежден» (*I verily believe*), «я думаю» (*I think*) и т. д.²¹ Таким образом, судебное решение выдержано в духе общих принципов справедливости и отчасти тяготеет к традициям права *Equity* (хотя и вскользь упоминаемого в судебном акте). Представляется, что судебный активизм в подобных случаях является неизбежным и даже единственно возможным. Суды вправе заниматься правотворчеством лишь тогда, когда в законе содержится очевидный и требующий восполнения пробел. Перефразировав известное латинское выражение “*Inter arma leges silent*” («Когда говорит оружие, законы молчат»), можно вывести правило: суды говорят тогда, когда молчат законы.

Кроме того, на рубеже XIX и XX вв. окончательно ушла в историю проприетарная концепция приватности, заложенная отцами-основателями. В 1928 г. в деле “*Olmstead v. United States*” рассматривался вопрос о конституционности прослушивания телефонных переговоров. В рамках судебного разбирательства представители государства настаивали на том, что установление прослушивающих устройств является законным, если при этом не нарушается право собственности прослушиваемого (иными словами, все общественные телефоны, а также телеграфы могли бы прослушиваться без специального разрешения). Такой подход был отвергнут Л. Брэндайсом, ставшим к тому моменту судьей Верховного суда США, и приватность с тех пор не может рассматриваться в качестве «придатка» права собственности²².

Именно рассматривая дело “*Olmstead v. United States*”, Верховный суд США сделал шаг по «озапечению» приватности «светом Конституции». При этом сделано это было не прямо, а косвенно — с использованием в качестве аргументации не собственно самой Конституции, а Декларации независимости (1776): «Они (отцы-основатели. — *A. У.*) признавали значение человеческой духовной природы, чувств и интеллекта [человека]. Они знали, что только отчасти боль, удовольствие и удовлетворенность жизнью (*sic*) могут быть найдены в предметах материального мира. Они призывали американцев защищать их верования, мысли, эмоции и чувства. Они даровали (да-

же вопреки самому государству) право быть оставленным в одиночестве — наиболее сложное и наиболее ценное право цивилизованных народов (людей)... Каждое необоснованное вторжение в область приватности человека, не имеет значения какими средствами, должно означать нарушение поправки IV. Использование в качестве доказательств сведений, полученных в результате такого вторжения, означает нарушение поправки V»²³.

Таким образом, в этот период сложилась модель права на приватность, которая просуществовала на протяжении практически всего XX столетия. Ее отличительными признаками является то, что приватность: (1) отныне не ограничена правом собственности; (2) призвана охранять интересы личности как таковой, хотя рассматривается узко — как «право быть оставленным в одиночестве», т. е. право на обособления индивида в социуме; (3) при этом важнейшим достижением развития юридической мысли стало то, что приватность признается не только отдельным правом, но и базовой конституционной ценностью.

Перспективы развития права на приватность (вместо заключения). Приватность, долгое время не рассматривавшаяся американской юриспруденцией в качестве самостоятельного права и лишь в XX в. приобретая четкие правовые формы, сегодня снова рискует превратиться в юридическую химеру. Так, можно увидеть, что именно приватность становится главным правовым основанием при рассмотрении различных правовых споров, касающихся, например, легализации однополых браков (*Obergefell v. Hodges*), законности эвтаназии (*Washington v. Glucksberg*), права женщин на совершение аборт (*Roe v. Wade*) и др. Однако все эти дела существенно отличаются друг от друга как по фактическим обстоятельствам, так и по их юридической квалификации. В связи с этим возникает вопрос: насколько оправдано помещение этих прав под единый «зонтик» приватности? Не кажется ли, что все те личные права, которые затрагиваются в названных спорах, уже давно «переросли» приватность и не нуждаются в ее «материнской» поддержке?

Данный вопрос имеет не чисто схоластическое значение. В конечном счете происходит размывание понятия приватности: из субъективного права, имеющего четкое содержание, в течение XX в. оно превратилось в многоголовую гидру, а ссылки на приватность стали носить практически «сакральный» характер.

Видимо, мы становимся свидетелями одного из двух процессов — перерождения или отмирания права на приватность. Какая из этих тенденций окажется доминирующей — покажет время.

²¹ Кроме того, судья апеллирует к статье Варрена—Брэндайса как подтверждению собственных умозаключений.

²² Уже в 1960-е гг. позиция Верховного суда была дополнена: «Человек, переступающий порог телефонной будки и закрывающий ее дверь, чтобы сделать [личный] звонок, вправе рассчитывать на конституционную защиту» (см.: *Katz v. United States*. 398 U. S. 347, 353 (1967); *Aguilar C. Privacy or Private: A New Age Look at Old School Privacy Laws* // *California Western Law Review*. 2016. Vol. 53. P. 92).

²³ Цит. по: *Heffernan W. C. Op. cit.* P. 146—147.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Aguilar C. *Privy or Private: A New Age Look at Old School Privacy Laws* // *California Western Law Review*. 2016. Vol. 53.
- Barak A. *Human Dignity: The Constitutional Value and the Constitutional Right*. Cambridge, 2015.
- Blecher M. D. *Aspects of Privacy in the Civil Law* // *The Legal History Review*. 1975. Vol. XLIII.
- Fundamental Rights and Private Law in the European Union* / eds. by G. Brüggermeier, A. Colombi Ciacchi, G. Comandé. Cambridge, 2010.
- Hamilton A., Madison J., Jay J. *The Federalist Papers* / ed. by C. Rossiter. N. Y., 1961. Paper 69.
- Heffernan W. C. *Privacy and the American Constitution: New Rights Through Interpretation of an Old Text*. Cham: Palgrave Macmillan, 2016.
- Madison J. *Writings* / ed. by J. N. Rakove. N. Y., 1999.
- New York Supplement, Containing the Decisions of the Supreme Court and Various Intermediate and Lower Courts of Record*. N. Y., 1892. Vol. 18.
- Privacy — Right to be Let Alone* / eds. by M. L. Ernst, A. U. Schwartz. N. Y.; L., 1962.
- The Emergence of Personal Data Protection as a Fundamental Right of the EU* / ed. by G. G. Fuster. Brussels, 2014.
- The Right to Privacy* / ed. by G. S. McClellan. N. Y., 1976.
- Tribe L. H. *The Invisible Constitution*. N. Y., 2008.
- Warren S. D., Brandeis L. *The Right to Privacy* // *Harvard Law Review*. 1890. Vol. 4. No. 5.
- Бундин М. В. Опыт правового регулирования права на частную жизнь и персональных данных в Соединенных Штатах Америки // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2012. № 3.
- Лассаль Ф. О сущности конституции / пер. с нем. К. Чекеруль-Куша. Киев, 1905.
- Ульбашев А. Х. Менять или не менять — вот в чем вопрос: новый взгляд на будущее Конституции США (рецензия на книгу: Stevens J. P. *Six Amendments: How and Why We Should Change the Constitution*. N. Y.; Boston; L., 2014) // *Сравнительное конституционное обозрение*. 2015. № 2.
- Хужокова И. М. Право на неприкосновенность частной жизни в англосаксонской правовой системе // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2009. № 4.
- Хужокова И. М. Право на частную жизнь в континентальной Европе // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2010. № 4.